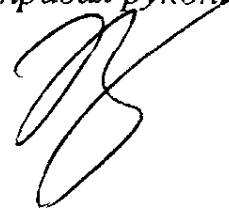

На правах рукописи

ЖИГАЛИНА Вера Михайловна

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ТИПОЛОГИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБОК
И НЕУДАЧНЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тверь – 2006

Работа выполнена на кафедре теории языка и межкультурной коммуникации
Тверского государственного университета.

Научный руководитель	доктор филологических наук, профессор Н.Л. Галеева
Официальные оппоненты	доктор филологических наук, профессор Т.Н. Снитко кандидат филологических наук, доцент М.В. Оборина
Ведущая организация	Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

Защита состоится «19» июня 2006 г. в 14 час. 30 мин. на
заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государствен-
ном университете по адресу: Россия, 170000, г. Тверь, ул. Желябова, 33, зал
заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского
государственного университета по адресу: г. Тверь, ул. Володарского, 42

Отзывы можно отправлять по адресу: Россия, 170000, г. Тверь, ул. Же-
лябова, 33, Тверской государственный университет, ученому секретарю.

Автореферат разослан «13» мая 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.263.03
кандидат филологических наук, доцент

В.Н. Маскадыня

Реферируемое диссертационное исследование посвящено разработке типологии переводческих ошибок и неудачных переводческих решений на материале перевода «сильного» художественного текста с опорой на герменевтический подход. При переводе «сильных» художественных текстов нередко случаи несоответствия текста перевода оригиналу, из которых наиболее описанными в переводческой теории являются *переводческие ошибки*, связанные с нарушениями норм языка перевода или с неверной передачей значений исходного текста. *Неудачные переводческие решения*, влекущие за собой утрату или искажение смысла текста при верной передаче содержания, в большинстве классификаций не рассматриваются.

Данное исследование исходит из *гипотезы* о том, что «сильный» художественный текст, понимаемый нами как «текст, маркированный богатой мозаикой смыслообразования и заставляющий реципиента обращаться к глубинным ценностным смыслам» [Богатырев 1998: 27], пробуждает рефлексию реципиента, которая, в случае успешного перевода, фиксируется в виде смыслов и идей. Любой подобный текст обладает художественностью, т.е. позволяет усмотреть «мозаику», игру смыслов, пробуждаемых средствами текста. Воссоздание этой игры смыслов означает передачу художественности в переводе, а отсутствие или искажение смыслов оригинала в переводе рассматривается нами как неудачное переводческое решение в противоположность переводческой ошибке, понимаемой как нарушение переводческой нормы. Под *переводческой нормой* подразумевается оптимальная передача в переводе содержания и функции текста оригинала приемлемыми средствами языка перевода.

В герменевтической парадигме исследования художественный текст рассматривается как «опредмеченная субъективность», а в системе его материальных средств усматриваются «опредмеченные реальности, смыслы, коррелятивные со средствами текста» [Богин 1982: 20]. Деятельность по распрямлению субъективно-ценностной реальности является рефлексивной, так как реципиент, понимающий текст, восстанавливает ситуацию мышления автора на основе индивидуации структурных компонентов, которые содержатся в тексте в свернутом виде. Поэтому анализ неудачных переводческих решений требует *герменевтического анализа текстов* оригинала и перевода, направленного на рефлексивное усмотрение смыслов и идей в тексте оригинала и оценку их адекватной передачи в тексте перевода в том свернутом виде, в котором они были представлены в тексте оригинала. В связи с этим обнаружение в переводе неудачных переводческих решений представляет собой большую сложность по сравнению с переводческими ошибками.

Настоящее исследование находится на стыке таких дисциплин, как теория перевода, стилистика художественного текста и филологическая герменевтика, в связи с чем в качестве ключевых в работе используются такие понятия, как *переводческая ошибка*, *неудачное переводческое решение*, *перевод*

дческая норма, рефлексия, смысл, содержание, содержательность, художественность, «сильный» художественный текст, понимаемые в контексте герменевтических исследований Тверской герменевтической школы.

Объектом исследования является перевод «сильных» художественных текстов.

Предметом исследования является фиксация неадекватности перевода оригиналу как на формальном уровне в виде переводческих ошибок, так и на уровне смыслов и идей в виде неудачных переводческих решений.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения аксиологических аспектов художественного перевода, направленных на выявление причин утраты художественности при переводе сильных художественных текстов. Исследование переводческой нормы с герменевтических позиций предполагает уточнение понятия переводческой ошибки, при этом трактовка неудачного переводческого решения соотносится со случаями разрушения смысла в переводе «сильных» художественных текстов.

Научная новизна настоящего исследования определяется:

1) использованием герменевтической модели оценки перевода для выявления утраты смыслов в переводах сильных художественных текстов;

2) разведением понятий «переводческая ошибка» как нарушение переводческих норм и «неудачное переводческое решение» как утрата параметра художественности в тексте перевода;

3) построением интегрированной типологии переводческих ошибок;

4) созданием типологии неудачных переводческих решений, основанной на уровнях понимания, выделяемых в рамках герменевтического подхода;

5) анализом причин возникновения неудачных переводческих решений при переводе художественного текста;

6) установлением того факта, что «сопротивление» языка оригинала не обуславливает возникновение неудачного переводческого решения, поскольку глубинные ценностные смыслы бытуют во всех культурах и, следовательно, позволяют говорить об их переводимости.

Цель работы состоит в фиксации содержательных различий оригинала и перевода в виде переводческих ошибок и неудачных переводческих решений и их герменевтической типологизации. Поставленная цель конкретизирована в следующих задачах:

- определить и дифференцировать понятия *переводческой ошибки* и *неудачного переводческого решения*;

- на основании герменевтического анализа существующих классификаций переводческих ошибок разработать их типологию, основанную на уровнях понимания и применимую к «сильным» художественным текстам;

- создать типологию неудачных переводческих решений, связанных с разрушением смысла оригинала;

- выявить причины возникновения неудачных переводческих решений при переводе художественных текстов.

Поставленные задачи предопределили выбор *методов* исследования. Специфика изучаемого предмета способствовала выдвижению в качестве основного метода *герменевтический анализ текста*. Кроме того, в работе применяются сопоставительный и дескриптивный методы (G. Toury), а также элементы семантического и стилистического анализа.

Материалом исследования послужил текст новеллы Э.А. По «Черный кот» объемом 17 755 знаков, и 11 переводов этой новеллы на русский язык, сделанных с 1861 по 1992 гг. Все переводы были сделаны с неродного на родной для переводчиков язык, что делает материал достаточно однородным для изучения.

Теоретической основой диссертации послужили работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные изучению переводческих норм (В.Н. Комиссаров, С. Флорин, А. Chesterman, J. Dancette, В. Harris, Т. Hermans, А. Neubert, С. Nord, Т.Н. Savory, G. Toury, E. Ullmann-Margalit); исследования отечественных и зарубежных авторов, связанные с изучением и классификацией переводческих ошибок (В. Аврамова, О.И. Быкова, Н.К. Гарбовский, М.Д. Гутнер, Т.Д. Жеру, В.Н. Комиссаров, К.Г. Крушельницкая, Л.К. Латышев, Н.Л. Мамаева, Р.К. Миньяр-Белоручев, М.М. Морозов, Э. Палл, Г.В. Павлов, М.Н. Попов, И.В. Привалова, Я.И. Рецкер, Г.М. Стрелковский, D. Gouadec, J. House, W. Moutsch, J.K. Sager); работы отечественных и зарубежных авторов, рассматривающих понятие «переводческое решение» (translators choice) (Н.Л. Галеева, В.Н. Крупнов, М.М. Морозов, А. Bass, G. Craig, J. Delisle, В. Hatim, G. Herbert, K. Kohn, J. Levý, J. Mason, P. Newmark, J.C. Sager, G. Toury); работы представителей Тверской герменевтической школы, посвященные изучению понимания художественного текста (Г.И. Богин, А.А. Богатырев, Н.Л. Галеева, Н.Ф. Крюкова, М.В. Оборина, В.С. Соловьева, И.В. Соловьева и др.); работы представителей Московского методологического кружка (Г.П. Щедровицкий), в которых излагается используемый нами деятельностный подход к смыслу, значению, рефлексии.

На защиту выносятся следующие положения

1. Для оценки качества перевода сильного художественного текста необходимо разведение понятий «переводческая ошибка» и «неудачное переводческое решение».

2. Переводческая ошибка связана со сбоями на семантизирующем и когнитивном уровнях понимания. Неудачное переводческое решение обусловлено как отсутствием распредмечивающего понимания у переводчика, так и невозпроизведенностью предпосылок для распредмечивающего понимания в переводе.

3. Переводческая ошибка снижает качество передачи содержания и связана с нарушением переводческих норм и норм языка перевода.

4. Неудачное переводческое решение приводит к искажению, утрате смысла при соблюдении норм языка перевода и адекватной передаче содер-

жения. Неудачное переводческое решение приводит к разрушению художественности перевода при его формальной правильности.

5 Неудачные переводческие решения, выявленные в изучаемом материале, обусловлены недостаточным пониманием текста оригинала переводчиком, приводящим к нарушению передачи художественности текста оригинала, и изменениями переводческих норм.

Теоретическая значимость работы связана с совершенствованием теории художественного перевода, успешность которого определяется пониманием текста. Разведение и уточнение понятий «переводческая ошибка» и «неудачное переводческое решение» позволяет установить меру погрешности, определяющую характер содержательных потерь, что создает предпосылки для их минимизации. Создание типологии неудачных переводческих решений на основе герменевтической типологии понимания открывает новые возможности для оптимизации переводческой теории. «Неудачное переводческое решение», до сих пор трактовавшееся в основном как синоним переводческой ошибки, в настоящем исследовании рассматривается как утрата или изменение смысла текста оригинала в переводе. Установлены причины неудачных переводческих решений, предложены критерии их выявления.

Практическая ценность данного исследования заключается в возможности использования полученных в нем результатов в практической переводческой деятельности, в редакторской практике, в спецкурсах по теории художественного перевода, стилистике и интерпретации текста, а также в практических курсах письменного перевода с английского языка.

Апробация результатов исследования осуществлялась в форме докладов на VIII Тверской герменевтической конференции памяти проф. Г.И. Богина «Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании» (Тверь, 2002), X юбилейной международной конференции «Россия и Запад: диалог культур» (Москва, 2003), II межвузовской научно-практической конференции «Язык и межкультурная коммуникация» (Санкт-Петербург, 2005), межрегиональной научной конференции «Языковой дискурс в социальной практике» (Тверь, 2006). По теме диссертации опубликовано 6 статей общим объемом 2,5 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, списка источников и двух приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* определяются основные понятия, используемые в исследовании, обозначаются его объект и предмет, формулируются цель, основные задачи и методы, раскрываются актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость настоящей работы.

Первая глава «*Переводческая ошибка: проблемы и методы анализа*» посвящена рассмотрению подходов к проблеме переводческих ошибок и их

классификации. С целью создания оптимальной модели поиска переводческих ошибок и неудачных переводческих решений в текстах перевода были проанализированы существующие модели оценки перевода.

Современные теоретические подходы к оценке перевода демонстрируют большую вариативность. В самом большом приближении критерии оценки качества перевода могут быть ориентированы либо на исходную, либо на принимающую культуру. Так, с одной стороны, существуют теории, стремящиеся «привести в норму» текст перевода, получить «по возможности наиболее опрятный, ясный перевод» [Snell Trampus 2003: 38]. Такие оценки находятся в рамках субститутивно-трансформационной онтологии перевода, где перевод рассматривается как поиск оптимальных соответствий элементов одного языка элементам другого языка, а ошибка рассматривается как неудачный эквивалент. При этом внимание акцентируется на сегментировании текста оригинала, на поиске адекватной единицы перевода, в соответствие которой ставится единица текста перевода.

С другой стороны, все больше сторонников приобретает традиция межкультурного взаимодействия, поскольку последняя «пробуждает восприимчивость к тому, что находится за пределами культурного барьера индивида, способствуя установлению лучшего понимания между людьми» [Grosman 1994: 51]. Данный тип теоретических подходов к оценке качества перевода, ориентированных на принимающую культуру, является так называемым «функциональным подходом» (В.Н. Комиссаров, R.D. Snell Trampus). Так, Ю. Хольц-Мэнтэри, описывая действия переводчика, заявляет о его непричастности к акту коммуникации – он является не ее непосредственным участником, а сторонним наблюдателем (*Aussenstehender*), действующим в ситуации перевода как производитель и передатчик послания, удовлетворяющий чужую потребность (*für fremden Bedarf*) [Holz-Mänttari 1986]. Эта позиция известна еще со времен Н.В. Гоголя, который уподобил переводчика «тонкому стеклу» [Гоголь 1979]. Позволим себе, однако, вслед за Р.Д. Снелл Трампус заметить, что изолированность переводчика от ситуации первичной коммуникации не предоставляет возможности для объяснения лежащего в основе этой коммуникации механизма норм [Snell Trampus 2003].

При декларируемой универсальности рассматриваемых подходов нами не было выявлено ни одной классификации, основанной на понимании художественного текста как специфического объекта перевода, требующего учета своего характера. Специфика объекта заключается в том, что утрата смысла художественного текста формально не является переводческой ошибкой, поскольку при этом не нарушаются ни переводческие, ни языковые нормы, хотя текст лишается большей части содержательности, собственно и делающей его художественным текстом (см. работы Г.И. Богина, А.А. Богатырева, Н.Л. Галеевой, Н.Ф. Крюковой). Именно это обстоятельство привело к необходимости введения понятия «неудачное переводческое решение», описывающего данный аспект перевода.

Все рассмотренные модели оценки перевода ограничиваются рассмотрением передачи содержания и значений текста и, в связи с их недостаточной объяснительной силой в обращении на художественные тексты, предлагается герменевтическая модель оценки перевода, где перевод рассматривается как рефлексивная деятельность, предполагающая рефлексии нескольких порядков: над текстом оригинала, над способами перевода и аксиологическую рефлексии над текстом перевода.

Герменевтическая модель оценки перевода устанавливает степень реализации в переводе содержательной программы оригинала. В качестве ее основы используется предложенная Н.М. Галеевой формула содержательности, где «содержательность = содержание текста + смыслы + идеи». Утрата содержания текста в переводе соотносится с переводческой ошибкой, утрата смыслов и идей с неудачным переводческим решением. С точки зрения предлагаемой нами герменевтической модели оценки перевода, переводчик не только сам должен понять текст оригинала, но и представить такой же объект для понимания его будущему читателю. Соответственно, в герменевтической модели оценки перевода перевод рассматривается как фиксация понимания средствами иного языка.

Поскольку при переводе текста культуры переводчик работает не только с текстами, но и с культурами, существующие в данный момент в данной культуре нормы находят свое отражение в нормах, регулирующих переводческую деятельность и речепроизводство. Таким образом, помимо обстоятельств, связанных с оптимальной передачей содержательности текста, в переводе неизбежно присутствуют культурные нормы, действующие в определенной культуре в определенный период времени. Именно смена культурных норм определяет вариативность переводов, их постоянное воспроизводство не обязательно оптимизирующее текст.

Понятие нормы перевода в субститутивно-трансформационной онтологии перевода включает в себя требование нормативного использования переводчиком языка перевода, а также необходимость соответствия результатов переводческого процесса общепринятым взглядам на цели и задачи переводческой деятельности, которыми руководствуются переводчики в определенный исторический период.

Нормы художественного перевода не сводятся к языковым нормам и рекомендациям по передаче содержания как последовательности замены одних значений другими: с точки зрения герменевтического подхода утрата художественности текста рассматривается как разновидность нарушения норм перевода. В качестве основной нормы перевода художественных текстов нами предлагается воспроизведение художественности. Утрата художественности в переводе, проявляющаяся в утрате идей и смыслов оригинала, считается неудачным переводческим решением, в то время как нарушение языковых и переводческих норм рассматривается как переводческая ошибка.

Художественность текста может быть определена как конструктивная трудность для понимания, запрограммированная автором. Эта трудность не всегда усматривается в тексте, в том числе и переводчиком, и, следовательно, для создания адекватного художественного перевода – т.е. такого перевода, в котором бы была построена такая же конструктивная трудность – необходимо не только выявить подобную трудность, но и воссоздать ее в тексте перевода. «Объяснение» читателю трудных для понимания мест в художественном тексте в субститутивно-трансформационной онтологии перевода считается необходимым приемом переводческой трансформации (см. Комиссаров 1990, Латышев 2000). Переводчик должен объяснить читателю понятое им. В деятельностной онтологии перевода это рассматривается как нарушение нормы передачи художественности.

Теоретики перевода склонны смещать понятие ошибки из сферы практики перевода в сферу владения языком: переводческие ошибки фактически приравниваются к языковым. Ошибки, рассматриваемые в разных классификациях, можно разделить на *языковые ошибки*, понимаемые нами как нарушение норм языка перевода, и *переводческие ошибки*, понимаемые как неудовлетворительная передача значений оригинала. В отличие от языковых ошибок переводчика, переводческие ошибки непосредственно связаны с недостаточным, неполным, ущербным либо ошибочным пониманием оригинала.

Разноуровневые ошибки в текстах перевода оцениваются с помощью понятия «языковая компетентность» [Богин 1975]. Различные уровни языковой компетентности определяют появление различных ошибок. Так, очевидно, что на уровне формальной правильности речи в переводе возникают грамматические и лексические ошибки (т.е. языковые ошибки). На уровне насыщенности речи появляются ошибки, нарушающие содержание текста оригинала, поскольку этот уровень языковой компетентности связан с богатством словарного запаса. На уровне адекватного выбора происходят ошибки, называемые в рассматриваемых классификациях «искажениями», «неточностями» и «неясностями», что также приводит к снижению качества передачи содержания. Стилистические ошибки, так же как и нарушения в передаче смыслов текста, появляются на высшем уровне адекватной комплектации. То, что данный уровень языковой компетентности отвечает одновременно за стилистическую адекватность и «программируемые остановки рефлексии» (т.е. смыслы текста), объясняет одновременное появление в текстах перевода стилистических ошибок, сопровождаемых разрушением смысла, и их взаимозависимость.

Рассмотренные классификации переводческих ошибок соотнесены с мерой понимания переводчиком текста оригинала на основе типологии понимания, созданной Г.И. Богиным [Богин 1986], в которую входят уровни семантизирующего, когнитивного и распрямляющего понимания. Семантизирующее понимание, т.е. «декодирование» единиц текста, выступающих в

знаковой функции, имеет место при нарушениях смыслового восприятия текста в условиях усвоения языка, например в ситуации, когда среди «знаковых слов» встретилось «незнакомое слово», подлежащее семантизации. Когнитивное понимание возникает при преодолении трудностей в освоении содержания текста, данного в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание. Распредмечивающее понимание основано на распредмечивании идеальных реальностей, не презентированных средствами прямой номинации, но опредмеченных все же именно средствами не прямой номинации.

«Распредмечивающее понимание чаще всего бывает обращено на художественные тексты, а также на тексты на подъязыке разговорной речи. Процесс распредмечивающего понимания может совмещаться с процессами семантизирующего и когнитивного понимания» [Там же: 14]. По Г.И. Богину, в семантизирующем понимании значение и смысл совпадают, т.е. существуют нерасчлененно, при этом значение осваивается как смысл и собственно смысл остается неосвоенным, в то время как в когнитивном и распредмечивающем понимании смыслы формируются.

В типологию переводческих ошибок, основанных на сбоях на уровне семантизирующего понимания текста, входят ошибки, соответствующие уровню формальной правильности речи: *системно-языковые ошибки* – нарушения логики языка; *нормативно-языковые ошибки* – нарушения языковой нормы; *нормативно-речевые ошибки* – нарушения в языковой традиции; *структурные ошибки* – меняющие структуру текста перевода по сравнению с текстом оригинала.

Рассмотрим перевод отрывка «*And a brute beast – whose fellow I had contemptuously destroyed – a brute beast to work out for me – for me, a man fashioned in the image of the High God – so much of unsufferable woe!*» [пер. К. Бальмонта 1895]. «*Грудь животного* – равного которому я презрительно уничтожил – *грудь животного* доставляла мне – мне, человеку, сотворенному по образу и подобию Всевышнего – столько невыносимых мук!». Квазипаронимия, вызванная сходством слов «beast» и «breast», имеющих значения «животное» и «грудь» соответственно, привела к системно-языковой ошибке, которая соответствует уровню семантизирующего понимания, т.е. нераспознаванию значения слов.

В типологию ошибок, определяемых сбоями на уровне когнитивного понимания текста и связанных с уровнем языковой компетентности, отвечающим за насыщенность речи, входят *формально-содержательные ошибки* – погрешности в передаче содержания оригинала, которые отрицательно влияют на воспроизведение функции исходного текста: *стилистические ошибки* и *лингвокультурные ошибки* – неадекватная передача этнокультурных элементов текста. В качестве примера ошибки, соотносимой с уровнем когнитивного понимания, приведем следующий перевод: «*I approached and saw, as if graven in bas-relief upon the white surface, the figure of a gigantic cat*»

– «Я подошел и увидел фигуру огромной кошки, как будто вылепленную в виде барельефа на белой поверхности стены» [пер. Д. Михайловского 1861]. «Барельеф» – это «вид изобразительного искусства, при котором ровная металлическая или каменная поверхность вырезается таким образом, что изображение оказывается выпуклым» [Брокгауз, Ефрон 1891, т. 3: 35], следовательно, «вылепленным» барельеф быть не может. Это формально-содержательная ошибка, которая соответствует уровню когнитивного понимания, то есть неосвоенности содержания текста.

Ни одна из существующих классификаций переводческих ошибок не затрагивает уровень распредмечивающего понимания, который описывает формирование смыслов и художественных идей. Мы предлагаем заполнить этот пробел типологией неудачных переводческих решений, поскольку с ее помощью объясняются случаи утраты авторских смыслов, усматриваемых в тексте на уровне распредмечивающего понимания. Подчеркнем здесь, что типология ошибок применима фактически к любому тексту, поскольку сбои на уровнях семантизирующего и когнитивного понимания происходят при любом переводе – как художественном, так и нехудожественном. Типология неудачных переводческих решений релевантна для художественного перевода «сильных» текстов, поскольку именно в них формируются смыслы, которые могут быть утрачены в переводе.

Во второй главе «Неудачные переводческие решения в переводах сильных художественных текстов» формулируется понятие переводческого решения, противопоставляемого переводческой ошибке. *Удачное переводческое решение* – создание в тексте перевода предпосылок для формирования реципиентом перевода тех же смыслов, что опредмечены в тексте оригинала.

Неудачное переводческое решение происходит из-за непреодоленной переводческой трудности и влечет за собой утрату смыслов при верной передаче содержания. Ошибка – нарушение нормы, приводящее к семантическим и когнитивным сбоям. Неудачное переводческое решение приводит к сбоям на уровне распредмечивающего понимания и искажению смысла оригинала в переводе, а также к обеднению рефлексивных возможностей текста.

Текст новеллы Э.А. По «Черный кот» является «сильным» художественным текстом, в связи с чем он представляет особую трудность для понимания и перевода. Поскольку текст новеллы развивается как «два текста», т.е. содержит в себе возможность выбора между альтернативными пониманиями – «мира реальности» и «мира безумия», причем оба эти мира сосуществуют как потенции понимания и запрограммированы автором, он обладает «удвоенной» содержательностью. Кроме того, поскольку текст новеллы является сложным содержательным комплексом, требующим для своего освоения интенсивной рефлексии, при переводе целесообразно использовать деятельностно-герменевтический подход к переводу, в котором перевод понимается как речевая деятельность по программе, заданной оригиналом.

Для того чтобы перевод занял аналогичное место в принимающей культуре, необходимо, чтобы он побуждал возникновение рефлексии так же, как это делает оригинал. Следовательно, *адекватным переводом* в данном случае будет считаться перевод, создающий аналогичное оригиналу пространство понимания и позволяющий формировать аналогичные конфигурации слов. Ситуации утраты художественности текста определяются нами как неудачные переводческие решения, происходящие из-за непреодоленной переводческой трудности, связанной прежде всего со сбоем в понимании.

В типологию, созданную на основе анализа 11 переводов новеллы Э. А. По «Черный кот», входят следующие типы неудачных переводческих решений: 1) передача смысла как значения, 2) изменение авторских смыслов, 3) разрушение смысловой интервальности [Богатырев 1998] и 4) полное разрушение смыслов текста [Галеева 1999].

Передача смысла как значения – экспликация в переводе неноминированного смысла, т.е. снятие переводчиком конструктивной трудности для понимания, объяснение читателю того, что хотел сказать автор. Так, перевод зачина новеллы «For the most wild yet most homely narrative which I am about to pen, I neither expect nor solicit belief» как «Я не ожидаю и не ищу, чтобы кто-нибудь верил моему рассказу, в высшей степени странному, но вместе с тем очень простому» [пер. Д. Михайловского 1861] содержит два неудачных переводческих решения. Актуализация зачина новеллы определяется тем, что в нем инверсия сочетается с подлежащим, максимально отдаленным от начала предложения. Помимо инверсии в предложении имеются двойные противопоставления, расположенные рядом, что усиливает их эффект *wild – homely, neither expect – nor solicit, mad – dream*, производящие эффект оппозиционной раздвоенности. Эта раздвоенность задает смыслы «двуплановость повествования» и «раздвоенность сознания». В переводе значимые противопоставления смыслов передаются как эксплицированный пересказ содержания без должного внимания к средствам – не передана смыслообразующая инверсия, что приводит к разрушению смысла текста.

Разрушение смысла текста – данное неудачное переводческое решение было описано Н. Л. Галеевой как результат отсутствия рефлексии переводчика при переводе художественного текста, не усмотревшего и, следовательно, не передавшего в тексте перевода смысловую мозаику текста оригинала (т.е. возможные смысловые миры текста: «смыслы-восприятия», «смыслы-действия», «смыслы-ценности») [Галеева 1999: 98]. Так, отрывок «One night as I sat, half-stupefied, in a den of more than infamy, my attention was suddenly drawn to some black object, reposing upon the head of one of the immense hogsheads of gin, or of rum, which constituted the chief furniture of the apartment» переводится следующим образом: «Раз вечером, в одном более чем позорном притоне, внимание мое было привлечено каким-то черным предметом. сидящим наверху одной из громадных бочек джина или рома, составлявших главное убранство комнаты» [пер. Н. Шелгунова, 1874]. В тек-

сте оригинала передается смысл постепенной материализации второго кота из темноты – до какого-то момента на бочке не было ничего, вдруг появляется какой-то предмет, и этот предмет превращается в кота. Смысл этого превращения, составляющего пьяную галлюцинацию, разрушается тем, что переводчик не передает его постепенности, используя причастие, которое может быть использовано только к чему-то живому (сидящий)

Изменение авторских смыслов – реализация в тексте перевода смыслов и идей, отсутствующих в тексте оригинала. Перевод «To me, they have little but horror – to many they will seem less terrible than baroques» как «Я из-за них натерпелся страху – многим же они покажутся безобидней самых несуразных фантазий» [пер В Хинкиса, 1958] является примером подобного неудачного переводческого решения. Изменение авторского смысла «рассказчик – образованный человек, разбирающийся в искусстве», которое опредмечено через выбор автором низкочастотного «baroques» со значениями «причудливый, диковинный», а также «в стиле барокко», причем оба значения реализуются одновременно, происходит из-за выбора переводчиком в качестве соответствия «несуразные фантазии», реализующего смыслы «рассказчик – рациональный человек, способный оценить, что с ним происходит». В переводе В Хинкиса есть и другие неудачные переводческие решения: не передана анафора «To me, they . . – to many they . .», противопоставления «little but horror – less terrible than», «horror – baroques». Это предложение построено на тройном противопоставлении, которое придает подобным текстам интонационную ритмичность и уравновешенность и опредмечивает смысл «раздвоенность сознания».

Термин «смысловый интервал» предложил А.А. Богатырев для описания «равновозможности двух и более нетождественных, взаимоисключающих пониманий (интерпретаций) на основе одних и тех же объективных текстовых данных» [Богатырев 1998: 93] как ответ на положение Р. Барта, по которому «необходимое свойство рассказа, который достиг уровня текста, состоит в том, что он обрекает нас на неразрешимый выбор между кодами» [Барт 1989: 461]. По А.А. Богатыреву, смысловый интервал может и должен транслироваться в перевод, так как «отсылает читателя к неявной и глубокой идее текста».

Разрушение смысловой интервальности – передача в переводе одной из возможных программ смыслопостроения, исключающая для реципиента возможность усматривать «раздвоенность» текста. В подавляющем большинстве обнаруженных случаев ни один из переводчиков не справляется с передачей смыслового интервала: «I suffered myself to use intemperate language to my wife». Здесь «suffered» имеет двойное значение – «позволять» и «страдать», что и задает смысловый интервал. В. Хинкис переводит данный отрывок как: «Я позволял себе грубо кричать на жену», реализуя только один из возможных вариантов понимания. С.Я. Зеликсон передает смысловый интервал за счет выпрямления высказывания, что является переводческой ошибкой, но

при этом и удачным переводческим решением «Я страдал сам от того, что в разговоре со своей женой позволял себе невоздержанные, грубые выражения». В связи с этим мы приходим к выводу о принципиальной переводимости смысловой интервальности через экспликацию содержания.

Если мы сопоставим три уровня понимания по Г. И. Богину с нашей типологией переводческих ошибок и добавим в нее неудачные переводческие решения, то получим схему, полностью охватывающую все случаи несоответствий перевода «сильных» текстов оригиналу (см. рис.1).

Рис. 1. Типология переводческих ошибок и неудачных переводческих решений

В переводах новеллы Э.А. По «Черный кот» процентное соотношение ошибок по отношению к неудачным переводческим решениям составляет 72,29% к 27,71%, причем из ошибок выявлено наибольшее количество структурных – 37,48%, формально-содержательных – 12,6% и стилистических – 8,35%. Самое распространенное неудачное переводческое решение – передача смысла как значения – 14,31%. Это соотношение показывает, что и компе-

тентные переводчики, какими по определению должны быть переводчики текстов Э.А. По, совершают большое количество переводческих ошибок

Появление в тексте перевода неудачного переводческого решения не сопровождается переводческой ошибкой в той же дробе текста, поскольку процентное соотношение случаев появления неудачного переводческого решения без переводческой ошибки примерно равно случаям неудачного переводческого решения совместно с переводческой ошибкой.

В *заключении* подводятся итоги проведенного исследования и намечаются перспективы его дальнейшего развития. Список использованной литературы насчитывает 135 единиц, из них 61 – на иностранных языках. Приводится также список источников материала исследования.

В *приложении 1* приводится оригинальный текст новеллы Э.А. По «The Black Cat». В *приложении 2* дается сопоставительный анализ переводов новеллы Э.А. По «Черный кот» на русский язык.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1 Жигалина В.М. Причины возникновения неудачных переводческих решений // Лингвистика и филологическая герменевтика. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Ф. Крюкова. – Тверь: ТвГУ, 2003. – С. 53-60.

2. Жигалина В.М. Переводческая ошибка VS переводческое решение // Язык и его функционирование: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. В.И. Иванова. – Тверь: ТвГУ, 2004. – С. 42-50.

3. Жигалина В.М. Проблема переводческого решения // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сб. науч. тр. / Отв. ред. О.С. Шумилина. – Тверь: ТвГУ, 2005. – С. 99-105.

4. Жигалина В.М. Проблема переводческих решений // Язык и межкультурная коммуникация: Мат-лы 2-й межвуз. научн.-практич. конф. 29-30 марта 2005 г. / Научн. ред. В.В. Наумов. – СПб.: СПбГУП, 2005. – С. 204-207.

5. Жигалина В.М. Eratio – ergo sum? // Язык и текст в парадигмах науки и культуры: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Ф. Крюкова. – Тверь: ТвГУ, 2005. – С. 29-41.

6 Жигалина В.М. Проблема оценки качества перевода // Языковой дискурс в социальной практике: Мат-лы межрег. научн. конф. 14-15 апреля 2006 г. / Отв. ред. Л.П. Рыжова. – Тверь: ТвГУ, 2006. – С. 99-104.

2006А
10547

№ 1 0 5 4 7

Технический редактор АА Медведева
Подписано в печать 10.05.06. Формат 60 × 84 ¹/₁₆
Бумага типографская № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ № 209
Тверской государственный университет
Редакционно-издательское управление.
Адрес: Россия, 170000, г. Тверь, ул. Желябова, 33.
Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.